Текст · 6 августа 2025, 09:52
Никита Сологуб,

Двойной статус. Математик и анархист Азат Мифтахов рассказывает, как живется политзаключенному, оказавшемуся в касте «обиженных»

5 августа Верховный суд отклонил кассационную жалобу на приговор по второму делу политзаключенного математика и анархиста Азата Мифтахова. В 2023 году его задержали сразу после выхода из колонии и в итоге осудили еще на четыре года — на этот раз по статье об оправдании терроризма за разговоры с сокамерниками. Новое обвинение основывалось на показаниях его тюремного друга, заключенного Евгения Трушкова, который в колонии имел статус «обиженного». К той же категории в неформальной тюремной иерархии уже более шести лет относят и самого Мифтахова. «Медиазона» попросила анархиста рассказать, как в заключении сочетаются два его тюремных «статуса» — «обиженного» и «политзека» — и как это влияет на его жизнь.

Когда-то аспирант мехмата МГУ, а сейчас один из самых известных российских политзаключенных-анархистов, 32-летний Азат Мифтахов лишен свободы уже больше шести лет, с 1 февраля 2019 года.

В тот день силовики задержали Мифтахова и еще 11 человек по делу об изготовлении взрывчатки в подмосковной Балашихе — изначально именно в этом пытались обвинить математика.

Мифтахова избили и угрожали засунуть в задний проход шуруповерт; другого задержанного силовики пытали электрошокером, требуя оговорить математика. Сам Мифтахов после задержания попытался вскрыть вены, но признательных показаний не дал.

В очках, невысокого роста, с негромким голосом, анархист не идет на уступки до сих пор, несмотря на давление ФСБ и второе сфабрикованное дело о терроризме.

Тогда, в феврале 2019 года, силовики не смогли найти доказательств тому, что молодой человек изготавливал взрывчатку, и Мифтахова обвинили по делу о разбитом[1] за год до задержания аспиранта окне в отделении «Единой России» в московском районе Ховрино.

Изначально дело возбудили по статье[2] о вандализме, обвиняемыми по нему проходили другие люди[3]. Через год дело переквалифицировали на более тяжелую статью[4] о хулиганстве по мотивам политической ненависти. Тогда и был арестован Мифтахов. Он единственный, кто не признавал вину и говорил, что из фигурантов знаком лишь с Еленой Горбань, впоследствии ставшей его женой.

Кроме непосредственно пыток и избиений, силовики давили на Мифтахова и другими способами.

После того как математик оказался в СИЗО «Бутырка», сотрудники ФСБ рассказали другим арестантам о бисексуальности анархиста; об этом он узнал, когда сразу после карантина работающие на администрацию изолятора арестанты вызвали его на разговор. Отрицать слова силовиков Мифтахов не стал; еще в 2019 году его интимные фотографии опубликовали связанные с силовиками телеграм-каналы, а затем и телеканал «Россия-1». Так Мифтахов оказался в касте «обиженных»[5].

Активная общественная кампания в поддержку Мифтахова началась с первых дней его ареста, поэтому он не мог скрыть от других подследственных и свой статус политического заключенного, хотя и не афишировал его намеренно.

Таким образом, математик оказался в уникальной ситуации, имея сразу два выделявших его на фоне основной массы заключенных «статуса»: «обиженного» и политзаключенного.

О том, что он оказался в низшей касте тюремной иерархии, математик сообщил публично весной[6] 2023 года.

Из письма Азата Мифтахова «Медиазоне»

Я не сторонник скрывать свой статус «обиженного». И дело не в том, что меня могли бы разоблачить. Просто я не вижу ничего

постыдного ни в своем статусе, ни в личной жизни, которая привела к этому статусу. Отделившись от «мужиков», я не стал хуже их априори. Мой путь стал лишь труднее, чем у них, но и только. Главное, что при этом я не предаю своих принципов и веду себя достойно. Не всякий «мужик» мог бы похвастаться тем же самым.

Статус же политзаключенного, само собой, всплывает наружу — например, через раздачу писем. Идет проверка, весь отряд стоит в строю. Подходит активист с пачкой писем от цензора и начинает раздавать. Первое письмо мне, второе мне, третье, четвертое... В итоге лишь два-три письма достаются заключенным, остальное — мое. Заключенные шутят: «Все себе забрал! Хоть бы с нами поделился!». И тут же вопросы: «Кто это пишет тебе так много? Ты знаешь этих людей?». Мои ответы вызывают все новые вопросы, и в итоге все узнают о политической подоплеке моего дела, о большой общественной поддержке, которую мне оказывают.

Нередко приходили письма и открытки из Франции, Германии, Швеции. Для местного контингента это что-то из ряда вон выходящее. «Из самой Америки пишут!» — поражались они. <ÿ..ÿ Состав лагеря менялся, но часто ко мне подходили новоприбывшие и спрашивали: «А это правда, что **Oxxxymiron** посвятил[7] тебе песню?».

«Обиженный» и «масса»

Зимой 2021 года Азата Мифтахова приговорили к шести годам колонии. Засекреченный свидетель, допрошенный спустя год после возбуждения дела,

утверждал, что опознал Мифтахова среди группы людей, которые разбили окно офиса «Единой России» и кинули внутрь дымовую шашку, по «выразительным бровям». Сам анархист отрицал, что участвовал в этой акции.

После московских СИЗО[8], в августе 2021-го, Мифтахова этапировали отбывать срок в ИК-17 в Омутнинске Кировской области. На тот момент эта колония была «красной»: порядки диктовала администрация, пожелания которой воплощали в жизнь активисты из числа заключенных.

Хотя жесткое физическое насилие там в последние десятилетия стало скорее редкостью, слава о пытках в этой колонии тянулась еще с конца 1980-х, особенно в части наказаний за отказ от подготовки в проведении официальных праздников. Главным из них многие годы был День Победы, все заключенные без исключения должны были вовлекаться в подготовку к «параду» с поделками в виде военной техники.

«Считалось, что это абсолютно обязательная вещь и отказаться от нее — значит обречь себя на немыслимые мучения: пытки шокерами, хлоркой, ШИЗО», — вспоминает в разговоре с «Медиазоной» сидевший в ИК-17 одновременно с Мифтаховым Тимур Исаев. Он отбывал срок за организацию-[9] эскорт-агентства. После освобождения мужчина уехал из России.

Видео на YouTube

YouTube

Азат Мифтахов: политзек и «обиженный» в тюрьме — как это влияет на его жизнь

@Медиазона

https://youtu.be/Q0cciiGOKss

Мифтахов впечатлил Исаева сразу по прибытии в колонию. Заключенные узнали, что еще на карантине оперативники предлагали математику «на время припрятать» информацию о его «статусе» «обиженного» в обмен на сотрудничество, но получили отказ.

«Он сказал им: "Гражданин начальник, ты защищаешь законы, права, а сам говоришь со мной на каком-то уголовном жаргоне, против которого сам должен бороться. Твои понятия вонючие я не признаю. Деление на таких и других — тоже не признаю. Что считаешь нужным, то и делай". Менты были просто обескуражены такой наглостью и такой прямотой», — вспоминает Исаев.

Таким образом, с точки зрения других заключенных Мифтахов как бы сам «определил» себя в «обиженные», ведь у него была возможность скрыть «статус», объясняет собеседник «Медиазоны». Поэтому каждый из «мужиков» самостоятельно решал для себя вопрос об уместности общения с математиком. Сам Исаев говорит, что общался с ним без оглядки на других: «У него на зоне была нормальная социальная жизнь, к нему очень хорошо относились — не как к остальным из этой касты, с которыми он при этом мог общаться. У него было совершенно особенное положение».

Из письма Азата Мифтахова «Медиазоне»

«Заразиться» через общение с «обиженным» нельзя, но «мужику» слишком долго тереться рядом с «обиженным» считается неприличным. «Спросить» за это не «спросят», но можно ловить за это насмешки и подколы со стороны других «мужиков», вплоть до провокаций. Могут предложить «мужику» «разделить» с «обиженными» быт, раз он так хорошо ладит с ними. Впрочем, тут очень многое зависит от характера «мужика», от того, как он поставил себя, и от того, насколько он грамотно может ответить насмешникам. Находились, например, такие, кто не только мог с интересом что-то обсуждать со мной, но и по-дружески положить руку на мое плечо, как ни в чем не бывало, что уж совсем на грани.

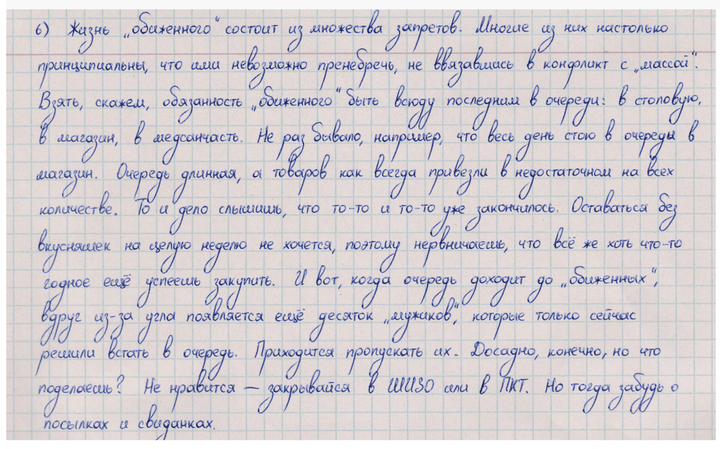
Если он достаточно уважаемый человек и может грамотно за себя постоять, то может хоть часами разговаривать с «обиженным». И никто ему ничего не скажет.

Жизнь «обиженного» состоит из множества запретов. Многие из них настолько принципиальные, что ими невозможно пренебречь, не ввязавшись в конфликт с «массой». Взять, скажем, обязанность «обиженного» быть всюду последним в очереди: в столовую, в магазин, в медсанчасть. Не раз бывало, например, что весь день стою в очереди в магазин. Очередь длинная, а товаров, как всегда, привезли в недостаточном на всех количестве. То и дело слышишь, что то-то и то-то уже закончилось. Оставаться без вкусняшек на целую неделю не хочется, поэтому нервничаешь, надеешься, что все же хоть что-то годное еще успеешь закупить. И вот, когда очередь доходит до обиженных, вдруг из-за угла появляется еще десяток «мужиков», которые только сейчас

решили встать в очередь. Приходится пропускать их. Досадно, конечно, но что поделаешь? Не нравится — закрывайся в ШИЗО или в ПКТ[10]. Но

тогда забудь о посылках и свиданках.
Есть лишь один запрет, с которым я отказываюсь считаться, — запрет на драку с «мужиком».
Если кто-то пытается унизить мое человеческое достоинство оскорблением или принуждением к чему-либо, то дать силовой отпор агрессору я считаю своим священным правом. Единственное, чего приходится остерегаться при реализации этого права, — это наказания со стороны активистов или «блатных». Избить за это могут жестко, вплоть до тяжких телесных. Однако свое человеческое достоинство я ценю слишком высоко, чтобы даже под угрозой увечий позволить его унижать. Тюрьма — такое место, где «хавать» унижения в свою сторону лучше не стоит. «Схавав» один раз, убедишь окружающих в том, что можешь «схавать» еще и еще. Лучше пресекать такое на корню. Такова моя философия на этот счет.
Несколько раз мне приходилось драться с «мужиками», и каждый раз на статусной почве. Не всегда из-за этого случался скандал. Иногда после этого удавалось пойти на мировую с противником. Пару раз на меня все-таки подавали в «суд». «Суд» проходил в каптерке. Туда забивались активисты и разные влиятельные люди в качестве «судей» и, конечно, обе стороны конфликта, то есть я и мой «потерпевший». Свидетели тоже призывались. Некоторые «судьи», казалось, не прочь были вынести мне суровый приговор, который мог быть исполнен на месте и сразу. Приходилось быть готовым к такому повороту событий и в то же время не терять самообладания в обосновании своей

правоты. Хотя по «тюремному» закону я был уже изначально не прав, так что мои общечеловеческие доводы вряд ли здесь работали.

6) Жизнь „обиженного" состоит из множества запретов. Многие из них настолько принципиальны, что или невозможно пренебречь, не ввязавшись в конфликт с „массой". Взять, скажем, обязанность „обиженного" быть всюду последним в очереди: в столовую, в магазин, в медсанчасть. Не раз бывало, например, что весь день стою в очереди в магазин. Очередь длинная, а товаров как всегда привезли в недостаточном на всех количестве. То и дело слышишь, что то-то и то-то уже закончилось. Оставаться без вкусняшек на целую неделю не хочется, поэтому нервничаешь, что всё же хоть что-то годное ещё успеешь закупить. И вот, когда очередь доходит до „обиженных", вдруг из-за угла появляется ещё десяток „мужиков", которые только сейчас решили встать в очередь. Приходится пропускать их. Досадно, конечно, но что поделаешь? Не нравится — закрывайся в ШИЗО или в ПКТ. Но тогда забудь о посылках и свиданках.

Временное убежище на День Победы

Когда в 2022 году, в первый год пребывания Мифтахова в ИК-17, стало приближаться 9 мая, анархист задумался о том, чтобы отказаться участвовать в празднике. Но поскольку единственным источником новостей был телевизор с телеканалом «Россия-24», он не мог объективно оценить обстановку, сложившуюся в стране с началом войны. Поначалу политзаключенному казалось, что участие в праздновании Дня Победы необязательно однозначно указывает на поддержку военной агрессии в отношении Украины, ведь традиция вовлечения заключенных в бутафорский парад существовала в колонии задолго до ее начала.

Его сомнения развеялись за несколько дней до праздника. Случайно заглянув в мастерскую, он увидел результат работы заключенных, «жаждавших поощрений от начальства»: на корпусе деревянной «Катюши» были нарисованы буквы *Z* и *V*.

Тогда Мифтахов решил, что откажется от участия даже под страхом пыток. О своем решении он сообщил начальнику отряда. Реакции сперва не

последовало: отрядник решил сначала согласовать ее с администрацией.

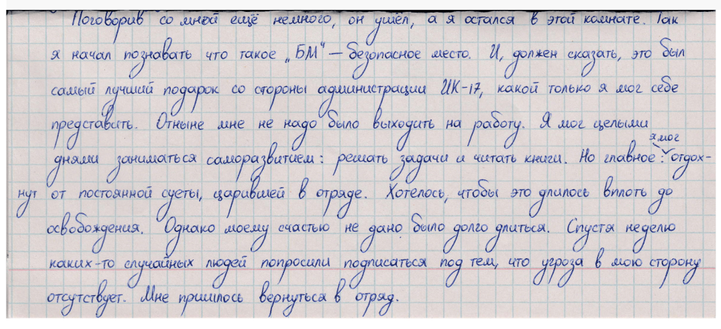
Другие заключенные были шокированы позицией Мифтахова. Кто-то просил объяснить ее, кто-то соглашался, кто-то спорил, причем все делали это исключительно корректно, не переходя на личности, рассказывает Мифтахов. «Это было невообразимо, — подтверждает Исаев. — Азат стал первым таким человеком, отказавшимся маршировать».

За день до парада Мифтахова вызвали в дежурную часть. Азат ожидал, что там его будут пытать, но вместо этого инспектор отвел его в спрятанную в глубине медсанчасти комнату без окон, в которой была только кровать, тумбочка и санузел. Вскоре туда пришел начальник оперативного отдела. Он объяснил, что комната на время станет «безопасным местом» для политзаключенного.

Из письма Азата Мифтахова «Медиазоне»

Я изложил ему то же самое, что и начальнику отряда. Вскоре он сказал следующее: «У нас тут появились сведения, что кое-какие осужденные недовольны твоей позицией по поводу 9 мая. Хотят тебя проучить за твой отказ».
Он достал какую-то бумагу и показал ее мне. На ней казенным языком было написано ровно то, что он, по сути, сказал мне устно. Ни имен заговорщиков против меня, ни имен осведомителей о заговоре на ней не значилось. Мне уже было понятно, к чему все идет.

— Поэтому, — продолжал он. — Было решено предоставить тебе безопасное место. В связи с угрозой твоему здоровью.
— И сколько же я буду находиться в этом безопасном месте? — спросил я.
— Ну, — оперативник как будто призадумался, — не знаю. Может, месяц, может, год. А может, до тех самых пор, пока не освободится последний осужденный, желающий дать тебе пизды.
Поговорив со мной еще немного, он ушел, а я остался в этой комнате. Так я начал познавать, что такое БМ — безопасное место. И должен сказать, это был самый лучший подарок со стороны администрации ИК-17, какой только я мог себе представить.
Отныне мне не надо было выходить на работу. Я мог целыми днями заниматься саморазвитием, решать задачи и читать книги. Но главное, я мог отдохнуть от постоянной суеты, царившей в отряде. Хотелось, чтобы это длилось вплоть до освобождения. Однако моему счастью не дано было долго длиться. Спустя неделю каких-то случайных людей попросили подписаться под тем, что угроза в мою сторону отсутствует. Мне пришлось вернуться в отряд.

Поговорив со мной ещё немного, он ушёл, а я остался в этой комнате. Так я начал познавать что такое „БМ" — безопасное место. И, должен сказать, это был самый лучший подарок со стороны администрации ИК-17, какой только я мог себе представить. Отныне мне не надо было выходить на работу. Я мог целыми днями заниматься саморазвитием: решать задачи и читать книги. Но главное: могу отдохнут от постоянной суеты, царившей в отряде. Хотелось, чтобы это длилось вплоть до освобождения. Однако моему счастью не дано было долго длиться. Спустя неделю каких-то случайных людей попросили подписаться под тем, что угроза в мою сторону отсутствует. Мне пришлось вернуться в отряд.

Источник: Медиазона

Друг в колонии

В сентябре 2022 года суд признал террористической организацией «Народную самооборону», участие в которой вменяли Мифтахову. К математику

зачастили сотрудники ФСБ. Уже тогда у его супруги Елены Горбань появились опасения, что политзаключенному могут предъявить новые обвинения.

Наиболее вероятной, по ее мнению, была версия о том, что ФСБ продолжит фабрикацию материалов дела «Сети». Один из обвиняемых — Игорь Шишкин, которому впоследствии удалось покинуть Россию, — под пытками дал показания и среди прочего указал на Мифтахова как на участника «московской ячейки». Соратники математика отмечали, что «нужные ФСБ показания» на Мифтахова, вероятно, дал и другой обвиняемый по делу «Сети» Дмитрий Пчелинцев. «Недавно он передавал Азату совет самому признать вину, так как дело все равно сфабрикуют», — отмечали авторы телеграм-канала *FreeAzat* в одном из сообщений.

В феврале 2023 года ТАСС даже опубликовал сообщение о возбуждении нового дела, но никаких арестов или следственных действий за ним не последовало. Тем не менее всю весну в колонию под разными предлогами к Мифтахову приезжали сотрудники ФСБ из Москвы, например, чтобы сделать его фотографию. Анархист должен был выйти в сентябре того же года, поэтому такие визиты добавляли опасений, что этого не случится.

Все эти месяцы в колонии Азат общался с Евгением Трушковым. В 2018 году, когда ему было 23 года, Трушков получил девять лет строгого режима по целому вороху статей[11], в том числе о групповом изнасиловании.

Когда Мифтахов оказался в ИК-17, Трушков сидел там уже больше трех лет. За это время он стал кем-то вроде «старшего» среди «обиженных», выступая их представителем в конфликтах с другими заключенными.

После карантина именно Трушков встретил политзаключенного и ввел в курс порядков в колонии. В дальнейшем это переросло в дружбу, этичность которой, учитывая уголовные статьи Трушкова, смущала жену Мифтахова Елену Горбань. Однако сам осужденный смог убедить математика, что не участвовал в изнасиловании, а пил водку в соседней комнате. В то же время Трушков винил в случившемся саму жертву, утверждая, что она «провинилась» перед насильниками и они таким образом ее «наказали», и признался, что после случившегося предлагал убить ее, но потом сам же отговорил своих друзей от преступления.

Впоследствии именно дружба с Трушковым обернулась для анархиста вторым уголовным делом.

Из письма Азата Мифтахова «Медиазоне»

Практика по «половым» статьям не терпит оправдательных приговоров. Заключенные это понимают и поэтому исследуют вопрос виновности-невиновности заехавшего по таким статьям самостоятельно. Изучаются приговоры судов и протоколы судебных заседаний. Если в учреждении имеются нелегальные мобильники, то созваниваются с теми, кто причастен к делу: с потерпевшим, свидетелями, с родителями потерпевшего, а также с родными

и друзьями самого осужденного, которые могли бы дать характеристику. За объективность такого исследования, конечно, не ручаюсь, но иногда какая-нибудь нестыковка в протоколах судебных заседаний бросается в глаза, и невиновность становится очевидной.

Но все это, на мой взгляд, не про ИК-17. Тут на протяжении многих лет именно администрация решала, кого назначить «опущенным», независимо от фактической вины осужденного во вменяемом ему преступлении. Бывало, еще будучи на «карантине», осужденный по такой статье узнавал от определенных сотрудников, что отныне он «петух». По окончании «карантина» он попадал в отряд, а там уже поджидали его активисты. Связи «карантина» с отрядами не было никакой, но активисты уже откуда-то знали, по какой статье новоприбывший приехал. Как правило, сходу, не разбираясь в сути уголовного дела, они встречали его оскорблениями и побоями, давая знать, что его судьба уже решена. После такого приема созывалось собрание всех заключенных отряда, на котором всех ставили перед фактом, что этот человек — «обиженный». Основной массе могло быть очевидно, что произошел чистой воды беспредел, но возразить, как правило, не решались, боясь навлечь на себя такую же беду.

Были и противоположные случаи. Например, как-то приехал один человек с «половой» статьей, вину по которой он признал не только юридически, но и по факту. Однако активистам от оперативника пришел указ: его не «отгонять»! И его оставили в «массе». У активистов нашлось оправдание, мол, он же признался! Хотя по тюремным законам это не является смягчающим обстоятельством.

По иным всем известным поводам для определения в «обиженные» администрация старалась сильно не идти наперекор «тюремным понятиям». То есть если заключенный проговорился о каких-нибудь «неприемлемых» подробностях сексуальных отношений с девушкой или затянулся бычком, поднятым с урны, то он становился «обиженным». Думаю, при этом администрации было важно сохранить вид легитимности тюремных понятий, чтобы их вмешательство не выглядело в глазах заключенных как чистый беспредел.

Фото: Медиазона

Дело за разговоры с заключенными

18 июля 2023 года Трушков пришел к Мифтахову, вид у него был тревожным. Он рассказал, что беседовал с оперативником колонии, который намекнул, что политзаключенный занимается «пропагандой террористической деятельности среди осужденных». Математик с недоумением ответил, что ничем подобным не занимался, зная, какими это может обернуться последствиями. На следующий день Мифтахова отправили[12] в ШИЗО. Оттуда он не выходил вплоть до назначенной на 4 сентября даты освобождения.

Утром 4 сентября близкие и активисты пришли встречать Мифтахова у КПП ИК-17. У ворот

припарковался фургон с чеченскими номерами, в который анархиста усадили сразу после выхода из колонии. В него же согласились пустить жену, мать и отчима Азата, родным дали пять минут, чтобы пообщаться. После этого анархиста увезли. Так он оказался в СИЗО-1 Кирова по делу об оправдании терроризма, о котором он не знал вообще ничего, пока суд его не арестовал.

Согласно материалам дела, на следующий день после того, как Мифтахова первый раз отправили в ШИЗО, Трушков дал показания оперативнику второго отдела ФСБ по защите конституционного строя. В этом протоколе подробно расписываются разговоры, которые математик якобы вел с заключенным: о радикальных взглядах, участии в анархических организациях и планах после освобождения взрывать государственные учреждения.

Подробнейшим образом описан и эпизод, который стал основанием для возбуждения уголовного дела. Согласно протоколу[13], 30 апреля, в преддверии очередного Дня Победы, Мифтахов сказал Трушкову, что участвовать в подготовке к «параду» не будет, поскольку «чиновников, ментов и эфэсбэшников нужно не усиливать, а вскрывать и уничтожать», и привел в пример Михаила Жлобицкого[14], сказав, что «восхищается им как правильным анархистом».

Спустя три недели, 21 мая, как утверждал Трушков, Мифтахов, увидев в вечернем выпуске новостей сюжет о взятии Бахмута бойцами «ЧВК Вагнера», вспомнил, что в боях за него погиб анархист Дима Эколог[15], и пообещал «мстить за своего друга,

неважно, на Украине на передовой или в России, как это делал Михаил Жлобицкий».

«Я давно ждал, что найдется человек, который подорвет здание ФСБ, неважно, в каком регионе, это причиняет боль Путину, и это меня радует. Это очень тонкая работа профессионала, и это не варварский поступок. Я восхищаюсь действиями Михаила Жлобицкого, который не побоялся положить свою жизнь в борьбе с режимом Путина», — цитировал Трушков слова, якобы сказанные Мифтаховым в комнате отдыха.

Прочитав эти показания[16] примерно за неделю до даты освобождения, Мифтахов был шокирован. С Трушковым он увиделся лишь на очной ставке 13 октября. Согласно протоколу, осужденный ограничился кратким: «Ты восхищался действиями Жлобицкого и сказал, что сделал бы так же». На вопрос, почему он дает показания против Мифтахова, если считает его другом, Трушков ответил: «В связи с тем, что считаю такие высказывания неправильными, так как это был террористический акт».

Из письма Азата Мифтахова «Медиазоне»

Чуть ли не с самого первого дня в отряде мы [с Трушковым] очень тесно сдружились. Как «старший» за «обиженными», он оказывал мне протекцию: ограждал меня от грязных работ, заступался за меня в моих конфликтах с «мужиками». Он объяснял это тем, что я будто бы веду себя куда более здраво, чем остальные его «подчиненные», и тем, что я вызываю доверие. Я же

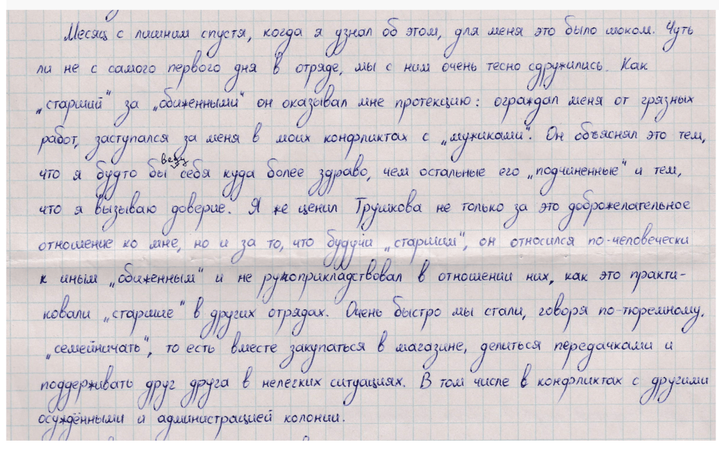
ценил Трушкова не только за это доброжелательное отношение ко мне, но и за то, что будучи «старшим», он относился по-человечески к иным «обиженным» и не рукоприкладствовал в отношении них, как это практиковали «старшие» в других отрядах.

Очень быстро мы стали, говоря по-тюремному, «семейничать», то есть вместе закупаться в магазине, делиться передачками и поддерживать друг друга в нелегких ситуациях. В том числе в конфликтах с другими осужденными и администрацией колонии.

За два года нашего знакомства я получал от него только поддержку. Иногда он говорил мне, как хочет помочь мне уйти от внимания ФСБ, что готов даже ради этого отсрочить свою свободу. Некоторые его предложения были наивными, что только убеждало меня в их искренности. Поэтому когда я узнал, что Трушков дал против меня показания, я вначале этому не поверил. Лишь постепенно, входя в курс моего нового уголовного дела, я стал понимать, что он меня предал.

Я не думаю, что Трушков был инициатором уголовного дела, как он утверждал на суде. Уверен, его рассказ о том, как он из патриотических чувств отправился докладывать начальнику отряда о якобы совершенном преступлении, был выдуман для придания стройности доказательствам обвинения. Полагаю, что дело было так. 20 июля его вызвали в оперотдел, и присутствовавшие там чекисты поставили его перед выбором: или ты даешь на Азата нужные нам показания, или «раскручиваешься» вместе с ним по террористической статье, но уже по более жесткой. И, наверное, дали понять, что нужные свидетели для такой статьи найдутся. Далее вижу два варианта

развития событий. Первый: Женя испугался за себя. Второй: он пошел на договоренности с ФСБ ради моего же блага. Ни один из этих вариантов я не исключаю и в то же время не оправдываю.
Идти на договоренности с ФСБ — заведомо гиблое дело. Не следует думать, что таким образом можно обхитрить их, выиграв больше, чем проиграв. Такая недооценка врага крайне опасна. Пойдя на одну уступку им, они будут вынуждать пойти на вторую, на третью и так далее до тех пор, пока не отдашь им свою душу. В разговорах с Женей я замечал эту наивную недооценку спецслужб.

Месяц с лишним спустя, когда я узнал об этом, для меня это было новым. Чуть ли не с самого первого дня в отряде, мы с ним очень тесно сдружились. Как „старший" за „обиженными" он оказывал мне протекцию: ограждал меня от грязных работ, заступался за меня в моих конфликтах с „мужиками". Он объяснял это тем, что я будто бы веду себя куда более здраво, чем остальные его „подчиненные" и тем, что я вызываю доверие. Я же ценил Трушкова не только за это доброжелательное отношение ко мне, но и за то, что будучи „старшим", он относился по-человечески к иным „обиженным" и не рукоприкладствовал в отношении них, как это практиковали „старшие" в других отрядах. Очень быстро мы стали, говоря по-тюремному, „семейничать", то есть вместе закупаться в магазине, делиться передачками и поддерживать друг друга в нелегких ситуациях. В том числе в конфликтах с другими осуждёнными и администрацией колонии.

Источник: Медиазона

Новый приговор

В сентябре 2022 года, когда Азат еще отбывал свой первый срок, в ИК-17 приезжал глава «ЧВК Вагнера» Евгений Пригожин. «Он говорил, что надо соглашаться, потому что после нас, после "Вагнера", придет нищая голодная армия России и будет загребать уже вообще всех, без разницы, какая статья. А у нас есть принципы — они тогда не брали осужденных по статьям об изнасиловании и очень избирательно к наркоманам относились», — вспоминает бывший заключенный Тимур Исаев.

Елена Горбань, вспоминая разговоры с Мифтаховым, говорит, что его судимый за изнасилование друг «побежал записываться на фронт в первых рядах».

Однако его не взяли. Математик пытался отговорить Трушкова, но тот то соглашался, то снова бросался искать возможность попасть на фронт.

В конце марта 2024 года Центральный окружной военный суд Екатеринбурга приговорил Мифтахова к четырем годам колонии по делу[17] об оправдании терроризма. Суд дал математику на год больше, чем просил прокурор, при этом распорядившись заключить его на первые два с половиной года в тюрьму. Незадолго до этого Трушков давал показания по видеосвязи, то есть он еще находился в колонии, несмотря на то, что вербовкой осужденных на тот момент уже занималось Минобороны, набиравшее заключенных в штурмовые отряды, невзирая на статьи.

В сентябре прошлого года приговор устоял в апелляции, а Мифтахова отправили отбывать новый срок в Ульяновскую область — в тюрьму в Димитровграде.

Большинство заключенных попали туда из колоний из-за злостных нарушений режима и, как правило, всецело придерживаются «блатных понятий». Осужденные содержатся не в бараках, а в камерах.

Сначала Мифтахова посадили в камеру с заключенным с ментальным расстройством, который слышал в голове «голоса» из-за «технологии ФСБ», потом отправили в ШИЗО, а затем в одиночную камеру, где он находится до сих пор, поскольку в тюрьме, вероятно, нет заключенных, готовых разделить общую камеру с «обиженным».

Трушкову же на момент этапирования математика в тюрьму оставалось сидеть меньше половины срока, но он все же решил отправиться на войну.

В октябре, когда Мифтахов ехал по этапу, Трушков несколько раз звонил его супруге Елене; его узнали по голосу и сама Горбань, слышавшая его в суде, и сидевший в ИК-17 Тимур Исаев.

Номер, с которого звонил Трушков, зарегистрирован в ДНР. Елена не сразу поняла, с кем разговаривает. Бывший заключенный спросил[18], где находится

Мифтахов. Не получив точного ответа — тогда математик был на этапе, — мужчина перешел к личным вопросам.

— Ну ты ждешь его? — спросил он.

— Что за глупые вопросы? — ответила Горбань.

— Нормальные.

— Можно узнать, в каком вы СИЗО?

— Я не в СИЗО, я нахожусь на Украине.

— Не «на», а «в».

— Нет. На! — отрезал Трушков.

Звонивший предложил отправить заработанные на войне деньги Мифтахову. На вопрос, «есть ли, что делать» на фронте, Трушков ответил: «Нет, валить на хуй отсюда надо».

В итоге, догадавшись, кто именно звонил, Горбань бросила трубку. Через месяц Трушков позвонил снова, судя по голосу, он был пьян. Узнав, что Мифтахов оказался в Димитровграде, он попросил: «Вытащите вы пацана».

«Прекрасно. Поговорите об этом с эфэсбэшниками», — ответила жена политзаключенного.

В тюрьме Димитровграда Мифтахову стало морально хуже. Он начал пить антидепрессанты и добивался этапирования в больницу, чтобы в том числе получить возможность продолжить прием препаратов.

В ИК-9 в Ульяновске, куда Азата привезли для обследования, анархиста избил сотрудник ФСИН: он ударил математика головой о ворота из-за недостаточно, по его мнению, быстрого выполнения приказа встать в «безопасную стойку».

В итоге Мифтахов все же смог попасть на прием к психиатру, который поставил ему диагноз «шизофреноподобное расстройство»; поддержка анархиста назвала его «сомнительным». Курс антидепрессантов врач ему не продлил, и в итоге Азат столкнулся с синдромом отмены.

5 августа 2025 года Верховный суд отказал в кассационной жалобе на приговор по второму делу Мифтахова. На заседании математик успел рассказать, что все еще сидит в одиночной камере в полной изоляции. Других заключенных он теперь видит только в окошко. На работу на производстве

его не берут из-за тюремного «статуса», а заниматься уборкой анархист не хочет.

Перевестись из тюрьмы в колонию Мифтахов должен в марте 2026 года. Срок по делу об оправдании терроризма закончится в сентябре 2027-го.

Из письма Азата Мифтахова «Медиазоне»

«В тюрьме друзей не бывает», — так говорят зэки. Я не люблю подобных обобщений, но определенная доля правды в этом есть. Зэки изначально поставлены в уязвимое положение. Тот хочет поскорее освободиться, этот надеется на внеочередную свиданку со своей женой, и все это зависит от доброй воли администрации. Администрация знает цену этим благам и продает их за особые услуги. Доносительство и предательство в их числе. И да, тюремный статус не имеет здесь никакого значения: «стукачи» обнаруживаются как среди «обиженных», так и среди «мужиков». И нельзя сказать, что доля среди первых заметно отличается от доли среди вторых. Тем не менее я умудрился обжечься о дружбу с Женей. Что ж, приходится признать, что я, видимо, плохо разбираюсь в людях. Этот случай заметно повлиял на мое восприятие людей в местах лишения свободы. Знакомясь с новым человеком, я невольно начинаю оценивать, способен ли он отказать чекистам, если они угрозами и обещаниями будут вынуждать его дать на меня показания.

Редакторы: Мария Климова, Анна Павлова

1. Видеозапись, на которой нападавшие разбивают окно и бросают внутрь дымовую шашку, появилась 2 февраля 2018 года в группе анархистского движения «Народная самооборона» во «ВКонтакте».
2. Часть 1 статьи 214 УК.
3. Обвиняемыми проходили Алексей Кобаидзе и Елена Горбань, впоследствии ставшая женой Мифтахова. Позже подозреваемыми стали Андрей Ейкин и Святослав Речкалов. Оба сообщали о пытках. Речкалов дал показания о том, что он возглавляет «Народную самооборону», но в итоге избежал заключения, уехав во Францию, где получил политическое убежище. Все они находились под подпиской о невыезде.
4. Часть 2 статьи 213 УК. Статья предусматривает до семи лет лишения свободы.
5. Низшая каста неформальной тюремной иерархии. Заключенных с таким статусом могут заставлять выполнять грязную и унизительную работу. Зачастую они становятся объектом насилия и сексуальной эксплуатации.
6. На тот момент он пробыл в заключении уже больше четырех лет.
7. Мифтахов упоминается в треке «Хоп-механика» с альбома Oxxxymiron 2021 года: «Видно, слиплись от крови глаза гестапо, вот кто поднял выразительно бровь, не Азат Мифтахов».
8. «Бутырка» и «Матросская тишина».
9. Статьи 240 и 241 УК: организация занятия проституцией и вовлечение в нее.
10. Помещение камерного типа, тюрьма внутри колонии.
11. «Медиазоне» не удалось найти приговор в отношении Трушкова. Однако его признали виновным в приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, краже группой лиц с проникновением в жилище, покушении на кражу, разбое, изнасиловании группой лиц с угрозами применения насилия и угрозе убийством.
12. Мифтахова отправляли в ШИЗО под разными предлогами, к примеру, из-за найденного в его тумбочке дезодоранта, после — из-за того что он лежал днем, а затем за то, что он якобы проигнорировал требование надзирателей начать уборку в камере.
13. Копия есть в распоряжении «Медиазоны».

14. Жлобицкий взорвал самодельную бомбу в приемной архангельского управления ФСБ 4 ноября 2018 года. После этого взрыва возбуждение уголовных дел за оправдание поступка Жлобицкого стало для ФСБ рутиной.
15. Российский активист Дмитрий Петров вступил в ВСУ после начала войны. 19 апреля 2023 года он погиб в боях под Бахмутом.
16. Кроме Трушкова, в тот же день был допрошен другой заключенный, Рушан Гаджимурадов, утверждавший, что слышал их разговор. Он привел ту же цитату про борьбу с режимом Путина. Через несколько месяцев оба свидетеля повторили свои показания уже на допросе у следователя главного следственного управления ФСБ, а в деле появился еще один, засекреченный свидетель-заключенный под псевдонимом Андрей Наумов — он якобы тоже слышал эту цитату. В дальнейшем на очных ставках ни один из свидетелей повторить ее дословно не смог.
17. Часть 1 статьи 205.2 УК.
18. «Медиазона» ознакомилась с записью звонка.